

Грамматикализация глагольного вида в резьянском диалекте: исконно славянская и романская лексика*

Розанна Бенаккьо, Хан Стэнвейк

1. Вступление

Изучение глагольного вида в резьянском диалекте представляется весьма интересным, что уже было отмечено в Бенаккьо 2015. Этот диалект, аналогично другим (прежде всего терским и надижским) словенским фриульским диалектам в Италии, с одной стороны представляет собой говор, находящийся на периферии славянской языковой системы (и в связи с этим обладающий разными архаичными чертами), а с другой – это говор, существующий веками внутри романского языкового окружения, в ситуации абсолютного контакта с ним.

В Бенаккьо 2015 мы обратили внимание на морфологические особенности проявления категории глагольного вида, точнее на префиксацию исконно славянских глаголов.

Цель данной работы – продолжить исследование о формальных средствах выражения глагольного вида в резьянском диалекте (в основном о префиксах, но также о суффиксах¹), принимая во внимание, наряду с исконно славянской глагольной лексикой, также и лексику романского происхождения.

Анализ проводился на основе материала, собранного одним из авторов данной статьи в населенном пункте Сан-Джоржо (по-резьянски – Била)² (см. Steenwijk 1992: 237-338). Этот материал послужил своего рода корпусом для ориентировочной информации количественного (частотного) типа

---

* Настоящая статья является результатом совместной работы двух авторов. Раздел 2 был написан Р. Бенаккьо, в то время как Х. Стэнвейку принадлежит раздел 3. Вступление и Заключение формулировались совместно.

¹ За пределами настоящей работы остается анализ суффикса *-nu-* (см. *tučat / muknut* ‘молчать/замолчать’, *pjüwat / pjüwnut* ‘плевать/плюнуть’), имеющего перфективирующую функцию (чаще всего, с семельфактивным значением). Это интересное явление, требующее отдельного рассмотрения.

² Как известно, говор населенного пункта Сан-Джорджо – Била, в силу своего географического положения (ближе к выходу резьянской долины к фриульской территории), испытал влияние контактирующего романского окружения в большей мере, чем другие варианты резьянского диалекта. В частности, в Сан-Джорджо – Била очень распространено употребление фриульского языка.

относительно употребления префиксов. Данные из этой книги были интегрированы другими данными, взятыми из Steenwijk 2005, а также из словаря, размещенного на сайте *Resianica*). Кроме того, мы проводили опрос информантов из Билы.

Работа делится на две части. В первой части мы принимаем во внимание исконные, славянские, глаголы, а во второй – заимствованные из романских языков. Как мы увидим, в поведении этих двух групп глаголов есть значительные различия. Как в первой, так и во второй части, мы будем обращаться сначала к суффиксации (т.е. к имперфективации), а потом к префиксации (т.е. к перфективации).

2. Исконно славянская лексика

2.1. Суффиксация

Следует прежде всего отличать суффиксацию, которая касается приставочных глаголов (совершенного вида) и реализует их (вторичную) имперфективацию, от суффиксации, касающейся бесприставочных глаголов.

Этот второй тип суффиксации представляет собой более древний способ образования видовой пары, известный всем языкам славянского ареала. Как и ожидалось, он встречается и в резьянском диалекте в применении к глаголам славянского происхождения. Как и в других славянских языках, однако, это относительно редкое явление, по сравнению с другими способами образования видовой пары, т.е. с вторичной имперфективацией, а также с префиксацией.

Имеется в виду суффикс *-a-*, чаще всего появляющийся как *-wa-*, где *-w-* является фонетическим способом разделения двух гласных: корневого гласного инфинитива от самого суффикса³. При этом первый гласный может меняться, в основном в силу действия фонетических законов, характерных для резьянского диалекта, но словообразовательная связь с производным глаголом всегда остается очевидной, прозрачной.

Таковы случаи глагола *šīwat* ‘шить’⁴, образующего пару с производящим *šyt*, а также глаголов *gnīwat (se)* ‘двигать(ся)’ от *gnūt*; *gnjīwat (se)* ‘гнить’ от *gnjyt*; *pučīwat (si)* ‘отдыхать’ от *pučyt (si)*.

³ Как утверждают разные исследования, суффикс *-a-* имел первоначально (в индоевропейском ареале) просто словообразовательную функцию акционального типа и употреблялся для создания глаголов, имеющих дуративную семантику (см. Маслов 2004² (1958/61); Маю 1985: 20).

⁴ Оговоримся сразу, что в настоящем параграфе (как и в 3.2.1), чтобы не перегружать текст, значение глагольных форм, полученных путем первичной суффиксации и образующих видовую пару, представлено в русском переводе только бесприставочным русским глаголом НСВ, который представляется достаточным для передачи лексической семантики резьянских глаголов. Когда же речь будет

То же самое можно сказать по поводу глаголов *čisüwat* ‘убирать’ от *česat*, *ubičüwat* ‘обещать’ от *obačät*, где фонетическое различие между производимой и производной формами больше, так как сам корень подвергается фонетическому изменению: корневой гласный повышается из-за регрессивной ассимиляции.

Подобным образом объясняется и глагольная форма *diwat* ‘девать, говорить’, производная от формы *ġat*⁵, а также и форма НСВ *wdarjat* ‘ударять’, производная от *wdarit*.

Сюда же относится и глагольная пара *dät – dajat* ‘дать – давать’, которая восходит к общеславянской образовательной модели, представленной (наряду с формой с полугласным *w*) и во многих других славянских языках, в том числе и в словенском.

Итак, суффиксация бесприставочных глаголов с функцией имперфективизации – это достаточно редкое явление, отражающее более древнюю словообразовательную модель.

Гораздо более весомым явлением является суффиксация приставочных глаголов (т.е. вторичная имперфективация). Чаще всего она реализуется прибавлением того же самого суффикса *-wa-*, образующего имперфективные формы от бесприставочных глаголов, о котором говорилось выше. И в этом случае, как и в бесприставочных парах, замечается изменение корневого гласного в основном в силу действия фонетических законов, характерных для резьянского диалекта. См., например: *pripisüwat* ‘переписывать’ < *pripisat* (< *pisat*); *namažüwat* ‘намазывать’ < *namazat* (< *mazat*); *namučüwat* ‘замачивать’ < *namučyt* (< *mučyt*); *zabiwat* ‘забывать’ < *zabyt* (< *byt*).

Сюда же можно отнести и случаи, где пара приставочных глаголов СВ и НСВ выглядит как «параллельная префиксация» (*parallel prefixation*) соответствующих бесприставочных форм СВ и НСВ (Mayo 1985: 57; Schuyt 1990: 301-303). Это, например, случаи глаголов *prigät – pridiwat* ‘менять’; *wodġat – woddiwat* ‘открывать’; *zaġat – zadiwat* ‘закрывать’, связанных с бесприставочной видовой парой *ġat / diwat*, или *pridät – pridajat* ‘прибавлять’, *prodät – prodajat* ‘продавать’, связанных с *dät – dajat*.

Другие примеры вторичной имперфективации будут приводиться в следующем параграфе в связи с образованием видовой пары от приставочных глаголов СВ.

идти о префиксальных образованиях, то при русском переводе будем указывать соответствующие русские глагольные пары.

⁵ Это можно хорошо проследить, если иметь в виду, что в резьянском диалекте результатом вторичного (не праславянского) *dj* является *ġ*, а общеславянского долгого ударного *jat* (ě) – *i* (см. Бодуэн Де Куртене 1875: 18, 51). Точнее, с одной стороны от глагола **dĕti*, при помощи известного нам суффикса *-a-* (в форме *-wa-*), получилась форма НСВ **dĕwati*, а затем *diwat*. С другой – от того же корня, посредством того же суффикса (в форме *-ja-*) образовалась теперешняя форма СВ *ġat* (< **djati* < **dĕjati*).

2.2. Префиксация

Среди глаголов славянского происхождения очень хорошо засвидетельствован и другой, типичный для славянских языков, способ грамматикализации глагольного вида, т.е. (перфективирующая) префиксация: в нашем корпусе очень часто рядом с основной, бесприставочной, производящей формой глагола (чаще всего НСВ), появляется целый ряд производных форм, образованных посредством разных приставок. Эти дериваты могут образовывать видовые гнезда, которые содержат до десяти (и больше) глагольных форм СВ (хотя, конечно, могут объединяться также две или три приставочные формы).

Глагольные префиксы, помимо того, что превращают глагол НСВ в глагол СВ, в большинстве случаев придают базовой форме определенное лексическое значение, и новый приставочный глагол обязан создать себе партнера с тем же значением посредством т.н. вторичной имперфективации, о которой говорилось выше.

Только в некоторых случаях новая приставочная форма образует пару с исконной бесприставочной, и мы имеем дело с т.н. «префиксальными видовыми коррелятами»⁶. Это происходит (согласно т.н. «принципу Vey-Schooneveld») тогда, когда семантика префикса и производящего глагола совпадают и значение префикса (чаще всего пространственное, но также и временное, и даже более отвлеченное, метафорическое) как бы стирается, нейтрализуется. В этих случаях вторичная имперфективация не нужна и не появляется.

Обычно можно говорить только об одной «пустой» приставке, хотя бывают случаи, когда на такую роль могут претендовать две, реже и три приставки⁷.

Намного реже, гораздо реже чем, например, в русском языке, в собранном нами резьянском материале, префиксы образуют глаголы, обозначающие т.н. способы действия (это в основном инхоативный *za-* и делимитативный *po-*).

Ниже перейдем к анализу разных префиксов. Постараемся разобраться в том, какие из них (и в каких случаях) играют роль «пустой» приставки и когда они, помимо прочего, меняют исконное лексическое значение глаго-

⁶ См. также термин «естественные перфективы» (Natural Perfectives), противопоставляемый термину «специализированные перфективы» (Specialized Perfectives), употребляемые в работах Л. Янды (см. Janda *et al.* 2013).

⁷ Такое явление, хорошо известное и в русском языке, стало предметом пристального внимания в исследованиях последних лет, ведущихся на языковом материале, находящемся в Интернете и в Национальном Корпусе Русского Языка НКРЯ в частности. Среди них особое место занимают исследования группы CLEAR о вариативности приставок (Prefix Variation). См. Janda *et al.* 2013: 139-162. См. по этому поводу Зализняк, Микаэлян 2012 (перепечат. в книге Зализняк и др. 2015: 261 и сл.), Петрухина 2014: 259 и др.

ла. При этом, для каждого префикса мы будем ограничиваться его 'общим' значением, хотя известно, что семантика префиксов сложная и охватывает целый ряд связанных между собой значений, что потребовало бы отдельного, более глубокого исследования.

Отдельно мы будем указывать на (повторим, редкие) случаи появления значений «способов действия».

Глагольные префиксы мы будем представлять в порядке частотности, начиная с самых частотных и указывая их количество в нашем корпусе. Напомним, что, касательно глагольных форм славянского происхождения, корпус состоит из 415 приставочных форм.

Самый частотный (встречается примерно 100 раз в корпусе) это префикс *z-/s-*. Это самая распространенная приставка в резьянском диалекте, играющая роль «пустого», префикса, придающего исконному глаголу только резульативное значение. Она является результатом слияния двух праславянских префиксов, т.е. **jъz-* и **sъ-* (и, хотя в меньшей мере, **vъz-*) (см. об этом Vajes 1959, Dickey 2005). Как принято считать, первому префиксу была свойственна семантика элативного типа, а второй мог выражать два разных значения: центростремительное значение (ср. предлог с творительным падежом) и значение аблативно-нисходящее (ср. предлог с родительным падежом).

Резьянский диалект в этом отношении полностью придерживается модели словенского языка. В самом деле, как убедительно показал С. Дики, в этом языке (подобно другим западнославянским языкам, как чешский, словацкий, серболужицкий и, отчасти, польский) в качестве «пустого» префикса грамматикализировался именно *z-/s-*, в отличие от восточнославянских языков (вместе с болгарским и македонским) где с данной функцией зафиксировался скорее префикс *no-* (Dickey 2000, 2005).

То же самое мы наблюдаем в резьянском диалекте: префикс *z-/s-* чаще других префиксов употребляется с чистовидовым, резульативным значением. За ним можно иногда 'увидеть' исконное значение одного или другого префикса (**jъz-* или **sъ-*), семантически совпадающее со значением беспреставочного глагола, но такие случаи редки. Например, в следующих глаголах, приставка, как нам кажется, могла бы отражать праславянский **jъz-* (ср. предлог с род. падежом): *cidit / scidit* <*mliku, minjěstro*> 'цедить / отцедить <молоко, бульон>'; *cipit / scipit* <*dyrwa*> 'рубить / разрубить <дрова>'; *mлатit / zmlatit* <*böb*> 'молотить / обмолотить (фасоль)'; *kašjat / skašjat* 'кашлять / кашлянуть', в то время как в следующих отражается скорее префикс **sъ-* (ср. предлог с твор. падежом): *blodit / zblodit* <*wödo*> 'мутить / помутить (воду)'; *mystit / zmystit* <*karčüfule*> 'разминать / размять (картошку)'; *mišat / zmišat* <*minjěstro, mušnik*> 'мешать / помешать <суп, кашу>'.

Однако такие предположения не доказуемы и не столь важны: современный префикс полностью грамматикализирован и выражает просто резульативное значение. См. также следующие глаголы: *grabät / zgrabät* <*köžo*> 'царапать / поцарапать <кожу>'; *krivüt / skrivüt* <*ružyc*> 'гнуть / согнуть

<нож>'; *rüwat / zrüwat <karćüfule>* 'копать / выкопать <картошку>'; *trest / strest <vějo>* 'трясти / потрясти <ветку>⁸'; *gorět / zgorět* 'гореть/сгореть'.

Второй по частотности глагольный префикс в принятом нами во внимание материале – это *w-*, который, в силу особого фонетического развития резьянского диалекта (говора Билы), может отражать как праславянский префикс **u-* (в большинстве случаев: примерно 70 раз), так и **o-/obъ-*, о котором будет сказано ниже, а также (хотя намного реже) **vъ-*⁹ и **vъz-*¹⁰.

Префикс *w-* (*<*u-*) также полностью грамматикализован и присоединяется не только к глаголам, выражающим «удаление» (и вообще отчуждение), но и к другим результативным глаголам. Такое частое употребление, появляющееся в диалекте, который, как было сказано выше, обладает разными архаичными чертами, поддерживает мнение С. Дики, считающего **u-* первым славянским «пустым» префиксом, у которого только на более поздней диахронической стадии развития появилась типичная семантика «удаления от чего-то», которая характеризует его, например, в современном русском языке (Dickey 2014; см. также Klenin 1983). См., напр: *brīsat / wbrīsat <plate>* 'вытирать / вытереть <посуду>'; *plivit / wplivit <wyr>* 'полоть / прополоть <огород>'; *robit / wrobit <jarbul>* 'рубить / срубить <дерево>'; *bižat / wbižat* 'убегать / убежать'; *mrit / wmrit* 'умирать / умереть'.

Проанализированные до сих пор префиксы являются чистовидовыми, т.е. они образуют пару с бесприставочным глаголом. Никакой вторичной имперфективации у них не появляется, так как никакого нового «специализированного» лексического значения они не порождают.

Префиксы, которые мы рассмотрим дальше, наоборот, играют разные функции: иногда бывают чистовидовыми, иногда специализирующими, а иногда они выражают способы действия. Поэтому дальше для каждого префикса будем представлять отдельно эти три случая.

Префикс *po-/pu-* занимает только третье место по частотности (встречается примерно 50 раз) в нашем корпусе. Как и предыдущие префиксы, он тоже может играть важную роль в процессе перфективации, передавая только результативное значение (т.е. образуя «естественные перфективы»). См., напр.: *znāt / poznāt* 'знать / познать'; *kazat / pokazat* 'показывать / показать'; *mīslit / pumīslit (si)* 'думать / подумать'; *dījat / pudījat* 'нюхать / понюхать'.

Однако по сравнению с тем, что происходит в русском языке, такие случаи употребления *po-/pu-* довольно редки. Скорее всего, в резьянском

⁸ В резьянском диалекте встречается также форма СВ с префиксом *po-* (*potrest*), но она имеет делимитативное значение.

⁹ Было обнаружено всего три случая 'прозрачной' деривации с помощью этого префикса: *gryst / wgryst* 'грызть / прогрызть' (где префикс имеет чистовидовую функцию), *wlyt / wliwat* 'вливать / влить' и *wlět / wlažat* 'войти / входить' (где префикс имеет специализирующую функцию).

¹⁰ Всего два 'надежных' случая: *wzdigüwat / wzdygnut* 'воздвигнуть' и *wstajat / wstät* 'встать'. По поводу этого префикса, вполне возможно, что он, хотя и 'скрыто', появляется и под видом префикса *z-/s-*, но и в данном случае трудно назвать формы с прозрачной деривацией (см. Vajec 1959: 112).

диалекте этот префикс сохраняет (как нам кажется, больше, чем в русском языке) сильный оттенок делимитативности, т.е. функционирует на грани делимитатива и результата.

Более того, он часто ‘конкурирует’ с другими префиксами, которые считаются информантами более нейтральными, и более употребительными в качестве «пустой» приставки. См. напр., следующие пары, в которых префикс *ri-* каким-то образом конкурирует с префиксом *w-*: оба они образуют перфективные формы, образующие пару с бесприставочным глаголом *süšit* ‘сушить’. Значения двух приставочных глаголов, однако, разные: глагол, образованный путем префикса *ri-*, несмотря на то, может считаться естественным перфективом, всё-таки сохраняет оттенок делимитативности, и употребляется для обозначения недлительного действия. Наоборот, префикс *w-* выражает «настоящее» результативное значение. См. пару: *süšit / pusüšit* <*möčanjē*> ‘выпаривать/ выпарить <воду из соуса> [букв. сушить соус]’ наряду с парой *süšit / wsüšit* <*sēnu*> ‘сушить / высушить <сено>’.

Подобное явление наблюдается с перфективными глагольными формами, образованными от бесприставочного глагола *časät*. Форма СВ, образованная посредством префикса *po-* (*počasät*), имеет значение сходное с формой, образованной посредством префикса *s-* (*sčasät*), а именно ‘расчесать / расчесывать волосы’. Однако только последний глагол имеет полную парадигму, в то время как от глагола *počasät*, не образуются, например, причастные формы на *-n*.

О настоящих делимитативных способах действия можно, как нам кажется, говорить в отношении следующих глагольных образований от глаголов деятельности: *počakat* (от *čakat*) ‘подождать’ и *pojkat* (от *jökat*) ‘плакать / поплакать’, которые, однако, не очень употребительны.

Что касается префикса *za-*, который достаточно хорошо представлен в резьянском диалекте (встречается примерно 40 раз), мы нашли мало случаев употребления его в чистовидовой функции. См.: *štokat / zaštokat* <*klobasičo*> ‘прокалывать/проколоть <сардельку>’, где исконное пространственное значение префикса (которое можно определить как «преодоление предела при движении за сам предел») ‘сливается’ со значением базового глагола.

В большинстве случаев префикс имеет специализирующую функцию, и производный перфективный глагол создает себе партнера несовершенного вида посредством вторичной суффиксации. См.: *byt* > *zabyt / zabüwat* <*žrēbej*> ‘бить / забить <гвоздь>’; *wrēc* > *zawrēc / zawuržüwat* <*din stari ružyc*> ‘бросать / выбросить <старый нож>’.

Префикс *za-* также может выражать начинательный способ действия. Это касается в основном глаголов деятельности, передающих звуки. См., например: *wpyt* > *zawpyt* ‘кричать / закричать’; *pět* > *zapět* ‘петь / запеть’; *garmět* > *zagyrmnut* ‘греть / загреть’.

Следует также отметить, что в этих случаях часто приставочная глагольная форма имеет вариант с семельфактивным суффиксом *-ny-*, который и считается некоторыми информантами предпочтительным: *blejat* > *?zablejat* и *zablejnut* ‘блеть / заблеть’; *lajat* > *?zalajat* и *zaläjnut* ‘лять/залаять’.

Префикс *na-* (чье главное значение – «сверху»), тоже достаточно хорошо представлен в резьянском диалекте (встречается примерно 30 раз). Однако мы нашли очень мало случаев его употребления в чистовидовой функции (см.: *pīsat / napīsat* ‘писать/написать’). Видимо, у этого префикса пространственное значение с трудом сливается с семантикой исходного глагола. То же касается следующих ниже приставок, у которых чистовидовая функция появляется все реже и реже.

Чаще всего данный префикс создает «специализированные» перфективы, которые появляются вместе со своим вторичным имперфективом. См.: *mazat > namazat / namažüwat* <*roko, köžo*> ‘мазать / намазать <руку, кожу>’; *mučyt > namučyt / namučüwat* <*böb, büle*> ‘замочить/замачивать <фасоль, бельё>’.

Нужно также отметить, что, как утверждают информанты, в обоих случаях производящая, бесприставочная форма функционирует наряду с производной вторичной формой НСВ если не во всех, то в большинстве контекстов. Значит, здесь имеем дело с т.н. «тройками», т.е. с явлением, которое можно считать характерным для славянской системы глагольно-видового образования (см. для русского языка: Janda *et al.* 2013; Кузнецова, Янда 2013; Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк, Микаэлян 2012).

Кроме того, префикс *na-*, вместе с частицей *se*, может выражать способ действия (сатуративный). См.: *jěst > najěst se / najadat se* ‘наестся / наедасть’; *päst se / napäst se* ‘пасться / напасться’.

Чуть меньшую частотность (около 25 словоформ) представляет префикс *pri-*, в котором отражается резьянское фонологическое развитие праславянского **per-* (см. русск. *пере-*), обозначающий «направленность действия из одного места в другое»¹¹.

Этот префикс мы никогда не нашли в качестве чистовидовой приставки, а только в применении к специализированным перфективам: *pīsat > pripīsat / pripīšüwat* ‘переписывать / переписать’; *brät > pribrät / pribirat* <*böb*, > ‘перебирать / перебрать <фасоль>’; *gat > prigat / pridiwat* <*wänt*> ‘сменять / сменить <одежду>’.

Префикс *par-* (встречается примерно 15 раз) соответствует праславянскому префиксу **pri-* (см. русск. *при-*), обозначающий «сближение, соединение чего-л. с чем-л.». Такое особое фонетическое развитие свойственно и некоторым другим словенским диалектам (см. об этом Ramovš 1924: 80).

Мы нашли всего одну приставочную форму, которую можно было бы назвать чистовидовой: *bližnjit se / parbližnjit se* ‘приближаться / приблизиться’. Остальные приставочные глаголы, образованные посредством префикса *par-*, являются специализированными перфективами. См.: *dät > pardät / pardajat* <*karčüfule*> ‘окучивать / окучить <картофель>’; *gat > pargat / pardiwat* <*wödo*> ‘прибавлять / прибавить <воды>’.

¹¹ О том, что в нашем диалекте рефлексом долгого ударного *jat* (ě) является *i* см. выше, сноску 5.

Префикс *(w)o-/(w)ob-/u-/ub-/w-* (который во всех вариантах отражает праславянский префикс **o-/*ob-*, обозначающий «движение вокруг») появляется примерно в том же количестве. Правда, в данном случае трудно точно определить количество глаголов, образованных с помощью данной приставки, так как в анализируемом нами говоре в определенных фонетических контекстах, а именно в позиции перед ударным верхним гласным, произошла нейтрализация между гласными *o* и *u*, и некоторые приставочные глаголы могут отражать как **o-/*ob-*, так и **u-*.

Итак можно с уверенностью сюда отнести следующие глагольные формы, где префикс образует специализированные перфективы (в свою очередь порождающие вторичные имперфективные формы: *lyt* > *ublyt* / *ubliwat* <*rože*> ‘обливать / облить <цветы>’; *mazat se* > *womazat se* / *womažüwat se* ‘измазываться / измазаться’; *stät* > *wostät* / *wostajat* ‘остаться / оставаться’), а также следующие, в которых префикс имеет чистовидовую функцию: *sodit* / *wosodit* <*lidryk*> ‘заправлять / заправить <салат>’; *rožät* / *wrožät* ‘расцветать / расцвести’.

Чистовидовая функция префикса проявляется и в следующих образованиях: *lüpit* / *ulüpit* <*karčüfule*> ‘чистить / почистить <картошку>’; *bryt se* / *wubryt se* ‘бриться / побриться’, хотя в данных случаях мы не можем с уверенностью определить, имеем ли мы дело с префиксом **o-* (что вполне вероятно), или с **u-*, так как префикс находится здесь в позиции нейтрализации.

Примерно ту же частотность (10 раз) представляет префикс *riz-* / *riž-*, который соответствует праславянскому префиксу **raz-*, обозначающий «движение в разные направления». Мы нашли всего две формы, которые можно назвать чистовидовыми: *dražit (se)* / *rizdražit (se)* ‘раздражать(ся) / раздражить(ся)’; *budit* / *rizbudit* ‘будить / разбудить’.

Остальные приставочные глаголы являются специализированными перфективами. См.: *sëkat* > *rizsëkat* / *rizsiküwat* <*vëje*> ‘отсекать/отсечь <ветви>’.

Другая функция этого префикса, появляющаяся особенно часто – это выражение действия, обозначающего уничтожение результата противоположного действия (выраженного другим префиксом). См. *vezat* > *rizvezat* / *rizvižüwat* <*wyrco*> ‘вязать/развязать/развязывать <веревку>, где *rizvezat* противопоставлен глаголу *zvezat* ‘связать’.

Ту же частотность (10 раз) представляет префикс *vi-*, имеющий элативную семантику, как и префикс *z-/s-* (< **jъz-*). Присутствие данного префикса в резьянском диалекте – это интересное явление, отличающее резьянский от литературного словенского языка, в котором данный префикс не встречается¹². Присутствие префикса *vi-* характеризует и другие (периферийные, северо-западные) словенские (например, приморские) наречия.

¹² Приставка *vi-* отсутствует и в других южнославянских языках, но встречается, например, в западнославянских: в польском, чешском и верхнелужицком языках. По этому вопросу см. Богданова 1963.

Среди найденных нами приставочных форм мы не нашли глаголов, которые можно было бы назвать чистовидовыми, а нашли только специализированные перфективные формы, сохранившие свое исконное пространственное значение. См.: *brät* > *vibrät* / *vibirat* <*to prawo bisido*> ‘выбирать / выбрать <правильное слово>’; *lyt* > *vilyt* / *viliwat* <*vinu*> ‘выливать / вылить <вино>’.

Следующие префиксы представлены в совсем ограниченном количестве (примерно 5 глагольных форм для каждого). Речь идет в основном о лексически специализированных формах СВ. Приведем по одному примеру для каждого префикса: **do-/du-** <*do-: *ġat* > *duġat* / *dudiwat* <*šċë no bisido*> ‘добавлять / добавить <еще одно слово>’; **od-/wod-** <*otъ-: *ġat* > *wodġat* / *woddiwat* <*duri*> ‘открывать / открыть <дверь>¹³’; **pod-/pud-/put-** <*podъ-: *ġat* > *podġat* / *puddiwat* <*naga myrtvaga*> ‘хоронить / похоронить <умершего>’; **pro-**: *lyt* > *prulyt* / *pruliwat* <*wödo*> ‘проливать / пролить <воду>’.

3. Заимствованная лексика романского происхождения

3.1. Предварительные замечания

Обратимся теперь к заимствованной глагольной лексике, в частности к лексике романского (фриульского, итальянского а также венецианского)¹⁴ происхождения. Надо предварительно сказать, что трудно четко различать эти три источника, так как в большинстве случаев ярких фонологических или семантических различий между ними не существует. Например, в случае резьянского глагола *binidyт* ‘благословить’, трудно сказать, является ли он заимствованным от фриул. *benedi/binidî*, от итал. *benedire* или от вен. *benedir*. Также невозможно определить происхождение рез. *doparät* ‘употребить’ (см. фриул. *doperâ*, итал. *adoperare*, вен. *adoperâr/doperâr*), рез. *našinat se* ‘родиться’ (см. фриул. *nassi*, итал. *nascere*, вен. *nasser*) и т.д.

Несмотря на это, можно сказать, что в резьянском диалекте самое значительное количество заимствований имеет фриульское происхождение. Напр. рез. *difindinat* ‘защитить’ – можно считать только фриульским заимствованием (см. *difindî*), а никак не итальянским (см. *difendere*) или венецианским (см. *defender* / *difender*). Подобным образом для рез. *glacät se* ‘замерзнуть’ исключается заимствование от итал. *ghiacciare* или от вен. *ghiazzâr*; возможно только фриульское происхождение (от *glazzâ*).

¹³ См. противоположное действие *zaġat* / *zadiwat* <*duri*> ‘закрывать / закрыть <дверь>’.

¹⁴ Подробнее о периодизации (и о значимости) влияния этих трех языковых вариантов на резьянский диалект см. Benacchio 2002.

Что касается заимствований итальянского происхождения, только небольшое количество может быть идентифицировано с такой же уверенностью. См. рез. *akoljinat* <*amige*> ‘принять <друзей>’ (итал. *accogliere*; фриул. *acòlzi*, вен. *acolger*); рез. *aprecät* <*dëlu*> ‘оценить <работу>’ (итал. *apprezzare*, фриул. *presîâ*, вен. *apreziâr / apriezar*). В еще меньшей мере встречаются надежные случаи заимствований венецианского происхождения, напр. рез. *špartyt se* ‘отправиться’ от вен. *spartirse* (см. подробнее об этом: Šekli 2013).

3.2. Способы интеграции заимствованной глагольной лексики

3.2.1. Суффиксация

Однако каково бы ни было (фриульское, итальянское или венецианское) происхождение заимствованных романских глаголов, если обратиться к способу их интеграции в славянскую грамматическую систему, точнее в категорию глагольного вида, то сразу замечается глубокое различие по сравнению с поведением глаголов славянского происхождения, проанализированных в §2.

Заимствованные романские глаголы также проявляют тенденцию к созданию коррелята, т.е. к созданию видовой пары, выражающей СВ и НСВ (количество оставшихся ‘неинтегрированными’ биаспективных глаголов не столь большое). Однако они прибегают в основном к словообразовательной модели суффиксации и только в редких случаях к префиксации.

Имеются в виду, естественно, только предельные глаголы, которые принадлежат к вендлеровским классам Accomplishments, Achievements и которые в грамматикализированной видовой славянской системе нуждаются в двух формах для выражения однократного действия, достигшего своего результата, и действия, находящегося в процессе осуществления или многократного действия. Непредельные глаголы (States и Activities), являющиеся *imperfectiva tantum*, такими и остаются. Только в редких случаях (как было замечено выше по поводу исконно славянской лексики) эти глаголы подвергаются префиксации для выражения способов действия (в основном начинательного и делимитативного).

Итак, данные из нашего корпуса говорят о том, что предельные глаголы интегрируются в резьянскую систему как глагольные формы СВ, выражающие результативный момент однократного действия, в то время как для выражения самого процесса, ведущего к результату, или для выражения многократного действия они образуют свой коррелят путем суффиксации (см. по этому поводу Venacchio 2009: 189).

Словообразовательный способ суффиксации – тот же самый, который мы отметили для исконно славянской лексики, точнее это суффикс *-wa-* (<*-a-*>), которому предшествует либо гласное *a*, либо *i*.

В первом случае (*-awa-*) мы имеем дело с резьянскими глаголами с инфинитивом на *-ät*, восходящими к I и II (а также, хотя весьма редко к III¹⁵) классам романского спряжения (см., напр. Lausberg 1976: 176 и сл.). Это, соответственно, глаголы, восходящие к латинскому классу на *-äre* (типа рез. *rivät* ‘кончать’ от вульг. лат. *arripäre*), на *-ëre* (типа рез. *plazät* ‘нравиться’ от лат. *placëre*) и на *-ëre* (типа рез. *ričavät* ‘получать’ от лат. *recipëre*). Это самый распространенный словообразовательный (суффиксальный) способ имперфективации у заимствованных глаголов романского происхождения. См., напр.: *rivawat* < *rivät* < *letiro* > ‘кончать < *pismo* >’; *špoštawat se* < *špoštät se* ‘отодвигаться’; *paračawat* < *paračät* < *valižo, tawlo* > ‘собирать чемодан, накрывать на стол’; *rišpundawat* < *rišpondät* ‘отвечать’; *danağawat* < *danağät* ‘вредить’; *dovantawat* < *dovantät* ‘становиться’; *fermintawat* < *fermintät* ‘ферментировать’; *formawat* < *formät* ‘образовывать’; *kušumawat* < *kušumät* < *wänt* > ‘изнашивать <одежду>’; *najät* < *najawat* ‘отрицать’; *sovencjonawat* < *sovencjonät* ‘субсидировать’, *vandamawat* < *vandamät* ‘собирать осенний урожай’.

Во втором случае (*-iwa-*) речь идет о резьянских глаголах с инфинитивом на *-yt*. Данный суффикс характерен для глаголов, восходящих к IV классу романского спряжения (см. лат. суффикс *-ire*). (Lausberg 1976: 176 и сл.). См., напр.: *špartiwat se* < *špartyt se* ‘отправляться’; *binidiwat* < *binidyт* ‘благословлять’; *maladiwat* < *maladyт* ‘проклинать’.

Следует также упомянуть особую группу резьянских глаголов с инфинитивом на *-inat*, восходящим к лат. III классу на *-ëre*. См., напр., рез. *vinčinat* ‘победить’, восходящий к лат. *vincëre*. Кроме редчайших случаев (нами был найден только один: *sucediniwat se* < *sucëdinat se* ‘происходить’), глаголы этой группы ведут себя как биаспективы, т.е. они употребляются как в функции СВ, так и НСВ.

Следует наконец упомянуть, что в резьянском диалекте встречаются и заимствованные глаголы, охарактеризованные в инфинитиве другими окончаниями (*-ët* или *-jüt*). Речь идет о весьма редких, непродуктивных инфинитивных суффиксах, касающихся глаголов *imperfectiva tantum* и не подвергающихся никакой вторичной суффиксации. Это, напр., *pytët* ‘страдать’ (см. вульг. лат. *patire*), *parjät* ‘казаться’ (см. лат. *parëre*) и т.д.

3.2.2. ПРЕФИКСАЦИЯ

В отличие от суффиксации, которая является важнейшим способом грамматикализации глагольного вида у романских заимствованных (предельных) глаголов, способствуя образованию коррелята НСВ, то префиксация (с противоположной функцией, т.е. создания коррелята СВ) играет весьма незначительную роль в этом процессе.

Она может, правда, появляться при образовании способов действия (чаще всего это префикс *za-* с инхоативной функцией): см. рез. *zaplazät*

¹⁵ Большинство заимствованных глаголов, принадлежащих к III романскому классу спряжения, входит в резьянскую модель с инфинитивом на *-inat* (см. ниже).

‘понравиться’ < *plažät*. Однако в резьянском диалекте это редкое явление, как в отношении заимствованных глаголов, так и исконно славянских (см. §1.2).

Префикс *w-*, появляющийся у глагола *wmaladyt / wmoladiwat* ‘проклинать / проклясть’, это, по всей вероятности, фонетическое явление совершенно другого типа, имеющее отношение к сфере эмоциональности. См. также *wstrijät / wstrijawat* ‘колдовать / околдовать’.

Также трудно интерпретировать статус префикса *riž-*, о котором говорилось выше по поводу префиксации исконно-славянской лексики, где он, наряду с другими значениями, обозначает «уничтожение результата противоположного действия». В применении к иноязычной, романской лексике он найден, с тем же значением, в форме вторичного имперфектива в третьем лице презенса (*Tadij da to se čofojawa aliböj da to se rižčofojawa*, ‘убьют они себя или вылечатся [мне все равно]’). Однако это единичный случай, имеющий, возможно, окказиональный характер, стилистически маркированный.

Интересный случай представляет пара *viškarpalät / viškarpalawat* ‘выдалбливать / выдолбить долотом’, образованная от фриульского глагола *scarpelâ* ‘долбить долотом’. Это пока единственный найденный случай, когда префиксация заимствованного глагола порождает специализированный перфектив, в свою очередь образующий коррелят НСВ посредством вторичной имперфективации.

Стоит упомянуть также следующий случай употребления мнимого префикса. Речь идет о рез. паре *žbridinät / bridinät* ‘разорвать / разрывать (на части)’ от фриул. *sbridinâ*. В фриульском глагола **bridinâ* не существует. Видимо резьянский диалект, на основе (очень употребительного) исконно славянского префикса *z-* / *s-*, реинтерпретировал по своей модели заимствованный материал. На самом деле, это скорее случай депрефиксации. Подобным образом можно объяснить также присутствие в резьянском диалекте глаголов *žbričolät* и *bričolawat*¹⁶.

Итак, можно сказать, что в резьянском диалекте перфективирующая префиксация предельных глаголов романского происхождения явление редкое.

4. Заключение

Изучение способов грамматикализации глагольного вида в резьянском диалекте дало различные результаты в зависимости от того, имеем ли дело с исконно славянской или с иноязычной (романской) лексикой.

В первом случае мы заметили полное соответствие общим принципам славянской глагольной деривации, касающейся категории глагольного вида. В частности, мы увидели, что бесприставочные предельные глаголы участвуют

¹⁶ К сожалению, на данный момент глагол *bričolät* не был обнаружен ни в текстах, ни при опросе информантов.

в процессе грамматикализации глагольного вида (т.е. в процессе образования видовых пар) в основном посредством префиксации: благодаря своему (в основном пространственному) значению, префикс не только придает производящему глаголу новое, добавочное лексическое значение, но также (а это еще важнее) уточняет, ограничивает основное, общее, лексическое значение мотивирующего глагола, тем самым создавая предпосылки для его перфективации. Более того, мы увидели, что использованные в резьянском диалекте префиксы в целом имеют те же значения, которые являются типичными для славянских языков.

Гораздо реже для создания видового коррелята бесприставочные предельные глаголы прибегают к имперфективирующей суффиксации: исходный бесприставочный предельный производящий глагол становится перфективным членом пары (выражающим достижение предела), а новый, также бесприставочный предельный производный глагол – имперфективным (выражающим процесс, ведущий к пределу, или многократность). Примеры такой суффиксации примерно так же редки, как в других славянских языках: везде они, видимо, являются остатками более древнего этапа процесса грамматикализации глагольного вида, когда имперфективирующий суффикс (-а-), судя по всему, находился «на грани» акциональной (дуративной) и аспектуальной функций.

Суффиксация с имперфективирующей функцией очень распространена в применении к приставочным перфективным глаголам (имеет место вторичная имперфективация). Как и в других славянских языках, это важнейший способ формирования и укрепления системы видовых отношений, одним словом, грамматикализации категории вида.

Способы действия начинательный, делимитативный и т.д. в резьянском диалекте встречаются весьма редко.

Практически противоположную картину мы наблюдаем, анализируя глаголы иноязычного (романского) происхождения. При интеграции этих глаголов в славянскую (резьянскую) видовую систему префиксация играет незначительную роль

В подавляющем большинстве случаев предельные глаголы романского происхождения интегрируются в резьянскую видовую систему путем суффиксации. Иными словами, эти глаголы воспринимаются как глаголы, выражающие результативность, которые обязаны создать себе партнера НСВ посредством имперфективирующей суффиксации.

Одна из причин этой разной (противоположной) трактовки исконно славянских и романских глаголов при процессе образования видовых пар, кроется, наверное, в том, что носители резьянского диалекта, видимо, затруднились присоединить к заимствованному глаголу морфологический элемент (префикс), который воспринимался как ‘чуждый’ заимствующей языковой системе, в то время как имперфективирующая суффиксация считалась более приемлемой (возможно, и из-за того, что она напоминает окончания имперфекта территориально близких романских языков). Неслучайно то же самое явление характеризует и другие славянские языки, контактирующие с романским языковым ареалом, как, например, молизско-славянский микроязык (см. Вгеу 2003 и 2005).

Библиография

- Бенаккьо 2015: Р. Бенаккьо, *Морфологическое проявление вида в резьянском диалекте: префиксация и суффиксация*, in: М. Китадзё (под ред.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*, Киото 2015, 21-26.
- Богданова 1963: В.В. Богданова, *О приставках вы- и из- в славянских языках*, in: *Вопросы славянской филологии. К V международному съезду славистов*. Саратов 1963, 297-308.
- Бодуэн Де Куртенэ 1875: И. Бодуэн Де Куртенэ, *Опыт фонетики резьянских говоров*, Варшава-Перербург 1875.
- Зализняк, Микаэлян, 2012: А.А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, *О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды*, "Вопросы языкознания", 6, 2012, 48-65.
- Зализняк и др. 2015: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва 2015.
- Зализняк, Шмелев 2000: Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев, *Введение в русскую аспектологию*, Москва 2000.
- Кузнецова, Янда 2013: Ю.Л. Кузнецова, Л.А. Янда, *Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии: отклик на статью А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян*, "Вопросы языкознания", 4, 2013, 86-96.
- Маслов 2004² (1958/61): *Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида*, in: Ю.С. Маслов. *Избранные труды. Общее языкознание*, Москва 2004.
- Петрухина 2014: Е.В. Петрухина, *Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности*, "Scando-Slavica", 60, 2, 2014, 253-274.
- Bajec 1959: A. Bajec, *Besedotvorje slovenskega jezika. IV. Predlogi in Predpone*, Ljubljana 1959.
- Benacchio 2002: R. Benacchio, *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*, Udine 2002.
- Benacchio 2009: R. Benacchio, *Il contatto slavo-romanzo nel croato del Molise e nei dialetti sloveni del Friuli*, in: L. Scholze, B. Wiemer (Hrsg.), *Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten* [Diversitas Linguarum 25], Bochum 2009, 177-191.

- Breu 2003: W. Breu, *Flexivischer und derivativer Verbalaspekt im Moliseslavischen*, in: T. Berger, K. Gutschmidt (Hrsg.), *Funktionale Beschreibungslavischer Sprachen* [Slavolinguistica 5], München 2003.
- Breu 2005: W. Breu, *Verbalaspekt und Sprachkontakt. Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprache (SWR/MSL)*, in: S. Kempgen (Hrsg.), *Slavistische Linguistik*, München 2003.
- Dickey 2000: S. Dickey, *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*, Stanford 2000.
- Dickey 2005: S. Dickey, *S-/Z- and the Grammaticalization of Aspect in Slavic*, "Slovenski jezik", 5, 2005, 3-55.
- Dickey 2014: S. Dickey, *On the Origin of Slavic Prefixed Imperfective Motion Verbs* "Scando-slavica", 60 (2), 2014, 159-171.
- Janda et al. 2013: L. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova, *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty. Prefixes as Verb Classifiers*, Bloomington 2013.
- Klenin 1983: E. Klenin, *Verbs of motion prefixed in U- in Old and Modern Russian*, in: V. Markov, D. Worth (eds.), *From Los Angeles to Kiev. Papers on occasion of the Ninth International Congress of Slavists*, Columbus Ohio 1983, 155-168.
- Lausberg 1976: H. Lausberg, *Linguistica romanza: II. Morfologia*, Milano 1976.
- Mayo 1985: P. J. Mayo, *The Morphology of Aspect in Seventeenth-Century Russian*, Columbus, Ohio 1985.
- Ramovš 1924: F. Ramovš, *Historična gramatika slovenskega jezika: II. Konzonantizem*, Ljubljana 1924.
- Schuyt 1990: R. Schuyt, *The Morphology of Slavic Verbal Aspect. A descriptive and Historical Study*, Amsterdam-Atlanta, GA 1990.
- Steenwijk 1992: H. Steenwijk, *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio* [Studies in Slavic and General Linguistics 18], Amsterdam-Atlanta, Ga 1992.
- Šekli 2013: M. Šekli, *Metodologija določanja plasti mlajših romanizmov v slovenščini*, "Jezikoslovni zapiski", 19 (2), 2013, 291-315.

Словари

- Bezljaj 1982: F. Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika*, I-IV, Ljubljana 1982.
- Boerio 1867: G. Boerio, *Dizionario del dialetto veneziano*, Venezia 1867.
- Faggin 1985: G. Faggin, *Vocabolario della lingua friulana*, I-II, Udine 1985.
- Pirona 1935: G.A. Pirona *et al.*, *Il nuovo Pirona: vocabolario friulano*, Udine (ristampa anastatica Udine: 1983).
- Resianica* <http://147.162.119.1:8081/resianica/index.do>
- Steenwijk 2005: H. Steenwijk, *Piccolo dizionario ortografico resiano/Mali bisidnik za tō jošt rozajanskë pisanjë*, Padova 2005.
- Zamboni 1984-1987: A. Zamboni *et al.*, *Dizionario etimologico storico friulano*, I-II, Udine 1984-1987.

Abstract

Rosanna Benacchio, Han Steenwijk

The grammaticalization of verbal aspect in the Resian dialect: lexemes of Slavic and Romance origin

This paper discusses the morphological means used to express verbal aspect in Resian. A marked difference can be observed between the native Slavic verbal lexicon, which mainly shows prefixation, thereby creating perfective forms, and that of Romance origin, where prefixation is almost completely absent and suffixation abounds, thereby creating imperfective forms.

Keywords: Verbal aspect, morphology, Slovene, Romance, Resian